

ПРОЛОГ

Утренние часы принадлежали Полине Сергеевне. Проводив мужа на работу, а внука в школу, она принимала душ, укладывала волосы, наносила легкий макияж. Хотя Полина Сергеевна давно не работала, она не позволяла себе ходить распустехой — в драном халате и стоптанных тапках. Даже если точно знала, что не выйдет сегодня на улицу, красилась и одевалась, как на службу. В такой день к ним мог заглянуть разве что электрик, чтобы списать показания счетчика, или газовщик, чтобы проверить плиту. Полине Сергеевне было абсолютно безразлично, какое впечатление она произведет на подобных визитеров. Она не относилась к тем женщинам, что стараются нравиться всем и каждому, а недостатки внешности маскируют с помощью краски и пудры. Полина Сергеевна

знала, что она мила и привлекательна, не писаная красавица, но очень обаятельна — ей говорили об этом тысячу раз люди, встречавшиеся в жизни. И в пятьдесят с лишним лет обаяние не исчезло, а перешло в другую стадию, возможно, более ценную. Красивых девушек много, а обаятельных немолодых женщин — единицы, и они знают себе цену. Высшая степень обаяния — присутствие шарма, то есть не просто симпатичное лицо, а неуловимая игра жестов, мимики, выражения глаз, делающая женщину неотразимой. Полина Сергеевна удостоивалась лестного комплимента — женщина с шармом. Никакими красками шарма не нарисовать, никакими прическами и украшениями не создать. Напускной, отрепетированный, актерский шарм превращается в жеманное кривляние. Шарм — подарок природы, он либо есть, либо отсутствует. К Полине Сергеевне природа была благосклонна. Материалистка без компромиссов, Полина Сергеевна считала, что удачной внешностью обязана не абстрактной природе, а конкретным генам предков.

Привычку с утра приводить себя в порядок, независимо от того, планируется ли выход в люди, Полине Сергеевне привил, сам того не подозревая, отец. Он души не чаял в единственной дочери. Ему казалось, что Полинку — нежную,

хрупкую, стеснительную, робкую — затопчут, затукают, обидят, ранят. Поэтому он часто говорил о самоуважении, которое есть броня. Если человек уверен в себе, если уважает свои принципы, то нападки и агрессия ему не страшны. Поля хорошо усвоила эти уроки и сделала свои выводы. Для девочки-девушки-женщины ухоженность — одна из основ самоуважения, поэтому ее, Полин, облик всегда должен быть безупречен.

В молодости муж, для которого она была прекрасна в любых нарядах, а еще краше без оных, с любой прической, хоть «взрыв на макаронной фабрике», удивлялся тому, что Поля жертвует драгоценными минутами утреннего сна, чтобы завить волосы и накрасить ресницы.

— Мы ведь на дачу едем, — говорил Олег. — Ты целый день проторчишь на грядках. Думаешь, огурцы и помидоры оценят твой макияж?

— Конечно! — с дурашливой уверенностью заверяла Поля. — Особенно я рассчитываю на успех у цветков мужского типа.

— Я начинаю р-р-ревновать, — рокотал Олег. — Покажешь мне эти мужские цветки, я им пестики оборву. В самом деле, Поля! Охота тебе вставать ни свет ни заря?

Говорить про женское самоуважение было не ко времени и не к месту. Поэтому Поля нашла другие аргументы:

— У каждого человека есть утренний гигиенический ритуал — умыться, зубы почистить. Немытым трубочистам стыд и срам. Мой ритуал несколько длиннее. Кроме того, я ведь... — поводела в воздухе губной помадой Поля, — служу. Да, служу. Тебе, сыну и родине, конечно.

— Родина без твоих кудряшек пропала бы.

— Как всякий служивый человек, ефрейтор, например... Нет, ефрейтор не солидно...

— Генерал, — подсказывал муж.

— Да. Как хороший генерал, я не могу являться на службу с перьями в волосах и в трениках вместо штанов с лампасами.

Потом, если Поля о чем-то просила мужа или поручала что-то сделать и ее просьба не расходилась с его планами, он отвечал: «Так точно, мой генерал! Будет исполнено!»

Полина Сергеевна заканчивала маникюр, покрыла ногти лаком, когда раздался телефонный звонок. Вначале она не поняла, кто говорит.

— Кто-кто? Люся? Простите?

— Полина Сергеевна, я, Люся Камышева. Забыли? Ну, Юся!

— Ты? — ахнула Полина Сергеевна. — Зачем ты? Почему? Что случилось?

— Я приезжаю.

— Приезжаешь? — переспросила Полина Сергеевна. — В каком смысле?

— В смысле самолетом прилетаю.

— Зачем?

— Повидаться и вообще. Хорошо, что у вас телефон старый, а то я ведь ни одного номера не знаю.

«Нормально матери не знать, где обитает ее сын? — подумала Полина Сергеевна. — Господи, еще бы тысячу лет не знала! Чтоб ты провалилась, сгинула! Почему ты не сгинула?»

Полина Сергеевна закашлялась, потому что испугалась, не произнесла ли последний вопрос вслух.

Опасения были напрасны.

— Сеня может меня встретить? — спокойно спросила Юся. — Рейс из Нью-Йорка.

— Арсений в командировке, — зачем-то соврала Полина Сергеевна.

— Сама доберусь. Вы по старому адресу?

— Да.

— Тогда до свидания!

Полина Сергеевна положила трубку. Посмотрела на свои руки — незастывший лак на трех ногтях размазался. Надо перекрашивать.

Господи! Перекрашивать! Маникюр! Когда рушится наступившая после стольких испытаний, горя, страха и отчаяния спокойная, тихая, счастливая жизнь!

Если бы Полине Сергеевне сказали, что в ее квартире поселится цыганский табор, который с утра до вечера будет горланить песни и танцевать, что в ее дверь станут названивать подозрительные личности — то ли наркотороляры, то ли скупщики краденого, она испугалась бы меньше.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Они были соседями по даче. Люся на двенадцать лет старше сына Полины и Олега. Маленький Арсений не выговаривал «Люся» и звал ее Юся. Как большинство девочек, Юся обожала младенцев, катала Сеню в колясочке, кормила из бутылочки, днями пропадала на их участке. «Нянька у вас теперь бесплатная», — усмехалась мама Юси, шумная и бесцеремонная Клавдия. Услуги няньки Полине не требовались, не покидал страх, что Люся, которая видит в младенце большую игрушку, нечаянно нанесет вред ребенку. Но девочка так радовалась каждому движению малыша, что отправить ее со двора не поворачивался язык.

«Из нее получится хорошая мать», — говорила Полина. В двенадцать лет уже было ясно, что интеллектуалки из Люси не вырастет. Училась

она плохо, книжек не читала, и круг ее интересов ограничивался недетскими телепередачами про модных эстрадных див. Коротконогая, пухленькая, она обещала стать девушкой с аппетитными формами, а после тридцати превратиться в копию своей мамы — бочкообразную женщину с тремя подбородками, маленькими толстыми руками, которыми не дотянешься спину почесать. В наивности, неразвитости, восторженности Люси была трогательная девчоночья прелесть. Ее непрекращающийся щебет не раздражал, как не раздражает пение птиц. Она напоминала цветочек в бутонной стадии, про который знаешь, что, распустившись, он не будет представлять собой ничего особенного, но пока радует глаз.

На следующее лето годовалый Арсений, домашнему — Сеня, уже смешно топал, норвил обследовать неположенные места вроде уличного туалета, схватить опасные предметы вроде серпа или вил, заглянуть в колодец, откусывать гранул удобрений. Помощь Люси, снова проводившей много времени на их участке, оказалась кстати. Девочке не надоедало строить с Сеней куличики и замки из песка, водить машинки и паровозики. В конце лета Полина подарила Люсе красивый ранец, пенал, наборы карандашей, фломастеров, альбомы для рисова-

ния, тетради и другие вещи — к школе. Несколько книг, модные джинсы и кофточку.

«Отблагодарила няньку», — с видимым удовольствием оценила Клавдия.

Полина не мыслила в подобном плане — мол, девочке положена плата за игры с малышом. Полина просто наслушалась сетований Клавы о том, что к школе надо столько купить — разорение, и хотела сделать приятное. Но Клавдия, работавшая учетчицей на овощной базе, рассуждала иначе.

Так и повелось: они виделись летом, Юся играла с Арсением, получала в конце сезона щедрые подарки, которые сама же и заказывала. Полина поражалась тому, что девочка не стесняется просить очень дорогие вещи, но вслух ничего не говорила. Да и делать подарки ведь очень приятно. Напялив кожаную курточку со смешным названием «косуха», Юся скакала и прыгала от радости, как коза.

Сенька помнил про Юсю и зимой. Потешно было слышать от трехлетнего картавившего малыша:

— Моя подлуга Юся говоить, съто жвачки не умеют надуать только лохи.

— Его подруге Юсе, — уточнял гостям Олег, — пятнадцать лет.

Дачное соседство с Клавдией, которая едва ли не каждый год приезжала с новым сожителем,

было не очень приятным. Клавдия и ее брат получили дачу от двоюродной тетушки и никак не могли поделить наследство. Случались пьяные драки, Олегу приходилось умирять соседей. Напуганная Юся нередко прибегала ночью, оставалась у Полины. Отсутствие девочки мучившаяся похмельем мать обнаруживала только к середине дня, но никакого раскаяния не испытывала. Клавдия относилась к тем людям, которые думают, что им все должны — потакать, помогать, выслушивать бесконечные жалобы и ничтожные рассуждения. Полина стремилась свести их общение к минимуму, что не всегда удавалось, и от словесной трескотни Клавдии начинала болеть голова. Считается, что худой мир лучше доброй ссоры. Может, ошибочно? Раз и навсегда показать Клавдии на выход — и не нужно пить таблетки от мигрени? Но жалко было Юсю, она Сеньке как сестра.

После девятого класса Юся поступила в колледж (теперь так гордо именовались недавние ПТУ) на кондитера. Вскоре бросила, поступила на бухгалтера, снова бросила... Подробностей ее учебы или, точнее, неучебы Полина не знала. Юся теперь редко приезжала на дачу, да и подросший Сеня со своими мальчишечьими играми в пиратов, в рыцарей, в космодесантников не видел в ней достойной партнерши. Они да-

леко разошлись по интересам: мальчишка с рогатками и девушка на выданье. Полина хорошо запомнила, когда последний раз видела Юсю. Запомнила, потому что подслушала ее разговор с Сенькой.

Олег и Полина заняли денег и выкупили у соседей участок. Сделке предшествовали юридические хлопоты с оформлением земли и строения — завалившегося щитового домика, с достижением финансового компромисса между Клавдией и ее братом. Это была нервотрепка длиною в год, но двенадцать соток со старым тенистым садом того стоили. Щитовой домик, естественно, предполагалось снести. А на его месте Полина собиралась разбить цветники, сделать альпийскую горку. Олег хотел выкопать пруд и запустить в него рыбу. Арсений требовал спортивную площадку с баскетбольным кольцом. Они спорили, просиживали над планом, рисуя карандашом и стирая ластиком, вымеряя в масштабе свои мечты. Потом кто-нибудь вздыхал и призывал остальных к реальности: в ближайшие два-три года, пока не отдадут долги, никакое строительство невозможно.

Юся приехала забирать какие-то свои вещи с дачи. Полину неприятно поразил вопрос девушки: